

*Расторгуев А.Л.**

Гебекли-Тепе

Аннотация: В статье на примере святилища в Гебекли-Тепе рассмотрены элементарные формы архитектуры и различные способы ее описания. Рассказ о древнейшем архитектурном комплексе, свидетеле детства человечества, соединен с детскими воспоминаниями автора. Настоящий текст должен был стать первой из тридцати глав задуманной А.Л. Расторгуевым книги о языке архитектуры.

Ключевые слова: Гебекли-Тепе, архитектура, воспоминания

УДК 904:72(560)

Abstract: The article, focused on the Neolithic sanctuary Göbekli Tepe, discusses primary forms of architecture and methods of its descriptions. The analysis of the most ancient architectural complex is united with the childhood memories of the author. This essay was written as the first paragraph of the Alexey Rastorguev's book on the language of the architecture.

Key words: Göbekli Tepe, architecture, memories

История мировой архитектуры резко и навсегда изменила свою начальную точку летом 1994 года, когда на холме в восточной Турции (еще называемой Армянским нагорьем) начались раскопки того, что считалось византийским кладбищем. Предшествующая экспедиция в эти пустынные места, во главе которой стоял американский археолог Петер Бенедикт, в 1963 году нашла на круглом холме, возвышающемся над несколькими более пологими, остатки человеческого присутствия. В мусульманской стране археологу было лучше всего назвать то, что ему показалось средневековыми могилами, именно византийским кладбищем – мусульманское, как священная земля, сразу станет навсегда запретной территорией для раскопок. Это было место, называющееся Гебекли-Тепе, «круглая гора», «выпуклая гора», или, как несколько смело переводит Клаус Шмидт, который это место потом и откапывал – «пуп земли», или «гора-купол» – где два последних варианта слишком даже хороши, один для этнографа и антрополога, другой – для историка архитектуры. А может быть, начало ее переместилось на много тысячелетий вглубь непонятной нам истории или скорее предыстории

* *Расторгуев Алексей Леонидович* (1958-2023) – к.иск., доцент кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

в 1979 году, когда был открыт, но еще не понят более низкий холм в «Долине чумы» – Невали-Чори, где примерно с 1987 года археологи, раскапывающие поселение докерамического неолита уже несколько лет, обратили внимание на те камни на вершине, которые они опять же осторожно назвали «римские могилы», не зная даже, могилы ли это и римские ли. Шмидт пишет: «Никогда не забуду унылый дождливый осенний день и маленькую необжитую долину, в которую вела только одна козья тропа, долину, покрытую клубами тумана и вызывающую зловещее, почти мистическое впечатление. Именно это впечатление подтвердилось».

Я не знаю, почему «зловещее» и «мистическое» синонимы для автора, но то, что здесь, в этих двух местах, историю архитектуры ждало подлинное чудо, – это правда. То, что казалось плоской длинной плитой «могилы», хотя римляне таких могил и не делали, при самых первых раскопках обернулось верхней частью большого Т-образного столба, ушедшего глубоко в землю. Эти столбы, найденные и в Гебекли-Тепе, и в Невали-Чори, имеют до сих пор неизвестную полную высоту 5-7 метров (кое-где археологи дошли до уровня пола тех сооружений, где они стояли, но не до их основания, которое покоится существенно ниже). Вес их может достигать до десяти тонн, иногда пишут, что и больше; незаконченный и никогда не поставленный вертикально столб был обнаружен в неолитических каменоломнях неподалеку. В нем семь метров, но нижняя часть утрачена.

Столбы эти поставлены в Гебекли-Тепе по неправильному, приблизительному кругу, а в Невали-Чори по периметру примерного квадрата; два более крупных столба находятся в середине каждого пространства, ограниченного кругом или овалом, примерно на треть превосходя по размерам и массивности периметральные. Холмы Гебекли-Тепе скрывают около двадцати округлых сооружений этого типа; постройка в Невали-Чори одинока. Датировка – 12 тысячи лет назад для Гебекли-Тепе и несколько позднее (может и на тысячу лет?) для Невали-Чори. После этих основополагающих находок в этой же местности, называемой Тас-Тепелер, «каменные холмы», частично раскопан Карахан-Тепе, находящиеся всего в 25 километрах от Гебекли, со сходными Т-образными столбами и датировкой что-то около 11400 лет назад. Еще 11 и более, число их умножается ежегодно, холмов сходного типа скрывают нечто подобное.

Кто бы мог такое предположить? Старше пирамид на 6 тысяч лет, Стоунхенджа на 7 тысяч лет, архитектура! До двадцати опор такой тяжести, что работы должны были вести человек пятьсот, притом невероятно долго, иначе это все не построить. И это – докерамический неолит, в сущности, это до развития земледелия. Столько людей работают разом и в такой согласии! Есть отчего потерять голову и на что потратить, как Клаус Шмидт, умерший от сердечного приступа в 2016 году, всю жизнь – при том, что по самым осторожным примеркам, копать Гебекли-Тепе надо еще лет восемьдесят-сто. Невали-Чори находился в местности, ушедшей под водохранилище, и перенесен в музей в 1991-1992 годах.

Итак, столб. Это большой протяженный блок, монолитный, но с верхней поперечной частью, или горизонтальной планкой этого Т, отделенной от вертикали высотой рельефа – навершие чуть толще, и его отделяет вмятая горизонталь. Столб чуть расширяется кверху, приобретая постепенно все более массивные формы. Узкий, как бы широкий и плоский, и что совсем невероятно – конечно, имеющий антропоморфный характер. На «боковых», более широких частях обозначены условной полоской в форме угла «руки», соединенные на узкой передней стороне столба так, что мы видим сцепленные пальцы. Иногда еще виден пояс, и то ли его свисающая нижняя часть, то ли стилизованные мужские половые органы ниже пояса. Это очень особенная телесность, потому что во всей дальнейшей истории изображения человека в искусстве его тело понимается как более широкое при взгляде en face, и как более узкое при взгляде сбоку, тут же дело обстоит ровно наоборот. Таковы, как кажется, средние столбы; периметральные не имеют этих признаков человеческой телесности, но форма их аналогична. В музее в Газиантепе есть один меньший столб, случайная находка неизвестно откуда, где верхняя часть имеет две головы, обращенные в разные стороны. Такой двуликий Янус – но он, вероятно, позднейшее детище этой традиции, и из-за него не стоит все Т-образные столбы считать двухголовыми.

Сложнее другое. «Антропоморфные» столбы есть, видимо, и в других памятниках этого ареала; но они не только антропоморфны. На боковых, широких сторонах, редко спереди, на узкой, встречаются изображения животных, рептилий, насекомых, птиц. Здесь есть очень замечательные подробности расположения рельефов – они всегда направлены в сторону центра округлого здания, или, как в случае здания А – ко входу, хотя форма здания и не очевидна и может, это тоже скорее к центру. Вообще место расположения рельефа продумано весьма последовательно: в этом сооружении, именно в здании А, большие столбы, расположенные всегда параллельно друг другу, как бы фланкируют некую зону между ними, и сюжетные рельефы расположены на самых видимых а именно на узкой, передней (змеи столба 1) и на внутренних боковых, наиболее видимых частях столба (слева это змеи и баран, справа бык, лиса и журавль), в то время как в сторону дальней, меньшей часть внутреннего пространства обращена чистая сторона столба без изображений. Как кажется, есть неотчетливое, но вероятное превалирование одного сюжета в пределах одного здания – это верно по отношению к округлому зданию Б, где господствуют изображения лис-самцов, и по отношению к сооружению С, где мы видим преимущественно кабанов. Но назвать В – «Домом лисиц», а С – «Домом кабанов» археолог не решает – есть и исключения, когда появляются утки или леопард, причем иногда в каком-то странном месте (задняя сторона навершия столба 16 с «леопардом», который, впрочем, может оказаться гекконом, при том, что задние стороны обычно не украшаются). С каждым годом раскопок прибавляется информация, которая, однако, пока не позволяет ответить на главный вопрос – а что это вообще за постройки и для чего они сделаны.

Шмидт связывает постройку «лис» с культом мертвых, постройку «кабанов» с культом живых – но которых мертвых и каких живых? Сколько бы ни копать эти холмы, мы точно этого не поймем. Погребений в них нет, или есть, но в прилежащих более поздних объемах. Есть каменные скамьи, предполагающие какое-то и чье-то долговременное присутствие, есть какие-то желоба и «жертвенные чаши» без малейшей возможности понять, что это за жертва и была ли она вообще. Предположения следуют из заведомо несинхронных текстов, позднейших на много тысяч лет, из символики животных в мифах древнего Востока; до рождения письменности слишком далеко, читать тут нечего, а игривые частные предположения причудливы и нелепы – «все парные отверстия (в больших столбах) очень маленькие, так что функциональное объяснение, связанное с большой нагрузкой проушин, отпадает. Без труда можно через них пропустить лишь тонкие шнурки. Таким образом, наиболее вероятным кажется то, что на столбах посредством этих отверстий закреплялось что-то легкое, например вымпелы или флажки, а может быть – фантазия здесь границ не имеет - жертвы или трофеи». Непонятно и нечто куда более существенное, чем отверстия в Т-образных столбах – непонятно, что именно держали эти столбы, если вообще держали, а если ничего, то зачем же они и зачем так монументальны.

Были ли эти сооружения перекрыты? Обыкновенно считается, что скорее нет – тридцатиметровый диаметр сооружения С как-то никто из его исследователей хотя бы мысленно не решился ничем перекрыть, да нет и никаких остатков кровель. Даже следов деревянных конструкций, не говоря уже о каменных, нет. Только эти дырки, и то кое-где, а не сплошь. Правда, тут нельзя недооценивать одно обстоятельство – постройки эти прослужили добрых полторы-две тысячи лет (страшно думать такими величинами, сравнимыми с длительностью всей новоевропейской истории), а потом были не сожжены, а заброшены (как считал Шмидт – закопаны и засыпаны, на что пошло колоссальное количество земли и мелких камней и труд, сравнимый с трудом строителей; но уже после его смерти в 2016 году все же победило то мнение, что постройки затянуло естественными селевыми потоками). Так что если деревянные перекрытия и были – их могли разобрать для будущего использования, когда прежняя нужда в этих зданиях отпала: они явно пусты, и пусты намеренно, это не Помпеи, где жизнь остановилась на полном ее ходу. Поскольку местность деревьями не изобилует, и все эти, очевидно легкие и не раз за 2000 лет менявшиеся, плетеные (как в позднесредневековом Иране) или сделанные из легких слег кровли могли пригодиться в другом месте. Есть одно редкое мнение: что постройки Гебекли-Тепе имели быстро разбираемые легкие кровли наподобие традиционных грузинских домов XVIII-XIX веков, где эти кровли даже опираются на Т-образные столбы, правда деревянные, и имеют форму вогнутого шатра. Тогда отверстия в опорах могут служить для закрепления несущих нижних балок. В пользу этого предположения говорит то, что средние столбы всегда выше, и между ними и периметральными легко представить себе нормальный скат крыши. Но не маловато ли в этом случае крепежных отверстий? Что-то не очень хочется идти путем

беспочвенных предположений, хотя традиция есть традиция, недаром трулли в Альберобелло (XVIII-XIX вв.) почти не отличаются по плану, а верно и по всему строению, от нураг на Сардинии или неолитических домов Мальты, да и ее ли одной. Шесть-семь тысяч лет разницы в возрасте тому не помеха. Так что легкие деревянные кровли с подъемом в центре здесь все же очень вероятны – ведь в следующем, более новом археологическом слое Гебекли-Тепе Шмидт нашел более низкие Т-образные столбы с остатками каменных перекрытий, впрочем, подробно не описанных.

Ну вот, исходные данные выложены. Одно ясно – что сооружения холма Гебекли не имеют никакого обычного назначения: это не жилища, не склады, не погребения. Это сложно устроенные, имеющие свою иерархию пространств (то ли два, то ли даже три кольца стен сооружения С) и размеров (малые периметральные, большие средние столбы) постройки. Вместе с нераскопанными холмами рядом это что-то около 200 столбов, по восемь-пятнадцать в каждом круге, а если посчитать другие подобные постройки разной формы в Невали-Чори, Карахан-Тепе и двадцати других неподалеку находящихся подобных же местах – счет этим столбам в столбовых залах пойдет на тысячи, и держалась эта традиция несколько тысяч лет, пока не была оттеснена, как считает Шмидт, культурой земледельцев, чья вера и культ не совпадали с верой охотников. Это не особенный изолированный памятник – перед нами целая цивилизация в долине Евфрата, первая во всем свете и давшая громадную долговременную архитектурную традицию. Подвергая столбы и их изображения самому разному рассмотрению – с точки зрения малодостоверного представления о том, что здесь происходило, со стороны возможной схемы тамошнего мифа, старших и младших богов, культа мертвых и культа предков, приводя аналогии в бесконечно более поздних культурах Ура, Вавилона, Египта, Австралии и Новой Гвинеи – и прочее и прочее – археолог не дает ни малейшей попытки архитектурного анализа этих сооружений. А стоило бы.

Я не буду пользоваться анахронистическими аналогиями для понимания этих структур. Детство человечества могло проходить по-разному в разных детских садах – еще Леви-Стросс предостерегал в своей знаменитой книге “*La pensée sauvage*” от того, чтобы восстанавливать сознание древних по модели этнографии современных племен, стоящих на островах ли Полинезии или в лесах Амазонки на самом примитивном уровне развития. Может быть, они остались на таком уровне именно потому, что у них не достало чего-то, что было в долине Евфрата. Но что в ней было? Попробуем посмотреть в самих себя.

Что сделать, чтобы тебя заметили боги, ну или, опасаясь этого определения как ненужного модернизма, высшие силы? Для начала хорошо быть уверенным в том, что они есть. Этого наверно было хоть отбавляй 12 тысяч лет назад. Жизнь, окруженная разнообразными формами опасности, превосходящей любые твои силы – от холода или зноя до землетрясения и грозы, наводнения и камнепада, жизнь, полная опасных зверей, змей, рептилий и насекомых, с запахом смерти случайной и неотвратимой, страшное поле, где нет никаких гарантий. Беспредельная угроза бытия, каждодневный

страх жизни и неотвратимость все ж ее ежедневного устройства, страх смерти и настоятельная нужда понять и примирить с собой все это. Все это – силы, сильнее тебя и высшие, значит. Ну или низшие, подземные – кто их знает, землетрясения тоже аргумент, как и высокое небо и столб грозового облака на нем. Как же можно обезопасить себя, и расчистить вокруг себя ментальное поле большей уверенности, примерно сказать, как вырубить в непролазной чаще темного хаоса круг порядка?

Надо, чтобы высшие силы тебя заметили.

А как сделать так, чтобы они тебя заметили?

Надо дать им знать, что ты заметил их.

Отсюда невероятная гипертрофия размеров и масс в этой архитектуре. Чтобы держать кровлю, даже хотя бы и каменную, о которой речь тут не идет, не нужны такие колоссальные даже и до двадцати тонн (в цифру 50 тонн я не верю) столбы. Хватило бы для крыши тонких деревянных опор, но все временное и несерьезное тут не годится. Высшие силы то ли очень высоко, то ли очень низко, но очень далеко – и чтобы они различили тебя, надо уподобиться им и сделать нечто по-настоящему большое. Надо настаивать! Твердо настаивать и упорно! И в этом настоянии нужен только твердый камень, много камня и большие камни. Через семь с лишком тысяч лет после Гебекли это будет Стоунхендж. Через шесть с чем-то пирамиды. Меньше нельзя. Нельзя строить ничего временного, ибо *они* безвременны и постоянны. Надо постоянное и несокрушимое, в своей инертной ко времени твердости подобное им, высшим. Неуязвимое и неразрушимое для неуязвимых и неразрушимых, неподвластное времени для них, безвременных и вневременных. Тогда они заметят! Отсюда непременно камень, отсюда эти чудовищные плиты Стоунхенджа, которые иногда везли за 500 верст, и массивные столбы Гебекли. Но этого мало – вырубить, перетащить, поставить – это уже что-то, но надо, ставя, уподобиться их творению, надо сделать, как сделали *они*, подобие *их* творения, и в малом они узнают *себя* и различат нас. За то, что мы различили и как-то поняли *их*.

А какое оно, их творение?

Мир, в котором мы живем, загорожен домами, деревьями, перерезан дорогами с их острой векторностью, – он зубчатый, пространственно рваный, с углами и закоулками. Он неровен и не целостен. Каким он был с вершины купольного холма? Он был круглым. Он был купольным, потому что на кольцо горизонта надета громадная круглая пустота неба.

Я помню первое свое воспоминание, или вернее то, которое в непонятной очередности ей одной известных значений первым предлагает мне память: жарким летом во дворе деревенского дома меня сажают в большой и очень глубокий таз и поливают из лейки водой, мне года два. Это было, наверное, как раз 12 тысяч лет тому назад... не меньше? Нет, не меньше. И я в этом объеме глубины, и руки мамы по мне разгоняют воду, а железный край таза отсекает, едва ли и не на уровне моих глаз, остальной мир – щелястые бревна сруба и крашеную обшивку фундамента, траву с муравьями, которые меня так

донимали, вид на доски у забора и кусты ирги – мир охраняется гулким ровным кругом, который бережет тебя в своей обнимательной полноте. И поэтому то, что я построил 12 тысяч лет тому назад, должно было быть только круговидно, как все, что хочет полностью отозваться на целокупность бытия. Сооружения самого старого слоя – неправильные круги или овоиды – подобны творению, видимому мной с холма, как подобен им Стоунхендж, как подобно им «Колесо духов» в Палестине или круглые курганы, как подобны им бесчисленные неолитические дома и ротонда римского Пантеона, а затем византийские и мусульманские купола – чтобы отозваться в резонансной точности на полушарие видимого мира. Мало одного круга? Сделать много, или сделать их концентрическими (сооружение С в Гебекли, тут приходят на ум Экбатаны – да, это много позже, но столица Кира, окружённая семью стенами, выкрашенными в цвета белый, чёрный, пурпурный, голубой, красный, серебряный и золотой (соответственно пяти планетам, луне и солнцу). И тогда они заметят меня. И я с ними договорюсь.

Договариваться со зверями, пауками и страшными бестиями мне в детстве не приходилось. Самым крупным зверем был соседский Рекс, нечистокровная немецкая овчарка, которую его хозяин, Сладков, служивший в леспромхозе, застрелил, когда тот повадился есть своих же кур. Но и до того он все больше был на цепи. Пауки бывали страшны с виду, крестовики и особенно подводные в пузырях своих жилых шаров серебрянки, но тоже безобидны. Муравьи пакостны, ненавистны, но мелки. Змей не водилось вовсе, кроме редких раз в несколько лет ужей на болоте в овраге за крепким и дорогим домом Сладкова, так что ни ужаса перед ними, ни способности договариваться с ними я не помню. Разве что страшна была гигантская свинья, жившая в хлеву по дороге к пляжу, и когда ты проходил мимо деревянных осклизлых и вонючих, дряблых стен, она могла броситься с ревом на стену и вся эта хибара, шатаясь, готова была разлететься, и тогда не избежать встречи с монстром. Тут я понимаю авторов «Дома кабанов» в Гебекли. Но хибара выстаивала. А вот космос, это другое дело.

Что я вижу на этом небесном ночном полушарии? Звезды. Все ранние культуры так или иначе видят их, они есть первая и главная последовательность, они уходят и возвращаются на свои места. Я был неподатлив на названия и едва разве что различал Большую Медведицу, когда отец ее показывал. И выходя к ночи смотрел, где она – и уже привычно проводил одну и ту же линию по ее ковшику, искал Малую Медведицу и Полярную звезду. Где это было – в деревне под Москвой или на том круглом холме недалеко от Евфрата? А везде, всегда, в Вавилоне ли, в Египте, в древней Америке – это первая и самая надежная, неизменно одна и та же последовательность. Ветер беспорядочен, дожди приходят и уходят примерно по срокам, землетрясения и грозы живут без счета и повтора, как *они* им захотели и предначертали – а созвездия что для *них*, что для меня ведут свой неотвратимый и повторный путь там, где проложены их дороги, и в этом есть что-то очень надежное. Из всего видимого самое надежное. Мы – и *они* – тут равно следуем законам неба, даже если *они* и их сперва запечатлели – но ведь и сами же *они*

тут не могут уклониться. Даже опасность не кажется такой случайной в этом вечном движении небесных неизменностей – предначертаны пути *им*, и *им* видны, предначертаны и мне, но пока не все вижу.

Нас водили в планетарий, и в нем круг неба был куда лучше виден, чем в желтоватом ночном небе города или в темном небе деревни. Искусственные звезды мерцали по заказу и были легко объяснимы. Однажды в Марокко я остановил на малопроезжей дороге съемную скверную машину, погасил огни и лег на прохладную пыльную обочину. Небо пустыни было больше моего неба детства, и планетарий показался бы тут незначительным круглым домиком вроде тех в Гебекли – надо мной мерцала невыносимая светозарная, сияющая громадность, лучистая и пустая, тесная от света и дышащая неизвестной далекой жизнью, которую я до того такой никогда не видел. Я знал о ней и раньше, конечно. Так в деревенском дворе я стоял и думал, глядя на какую-то звезду – там около нее есть планета, и на ней непременно стоит такой же маленький мальчик и смотрит на мою звезду, и думает, непременно тоже думает, что я тут стою... Наверно, таковы ночи и на Евфрате. Так вот, планетарий все же давал уже бессмысленно-секулярную, безличную, без *них*, но модель этого живого космоса. И во дворе у планетария зимой были под сугробами еле различимые кожухи из кровельного железа, под которыми ждали весны какие-то макеты и планеты, что-то там планетарно-учебное, и мы с братом катались с этих холмиков, пока железный угол одного кожуха не пропорол мне край височной кости. Немного налево, и смерть, пробит висок, немного направо, и выбит глаз – а тут только рваная, но зажившая до обидного без следа кровавая полоса, синяк в пол лица и струп, которым я гордился в школе недели две. Звезды и смерть – они родня, но все в порядке со мной, наверное, потому, что и с ними все в их порядке.

Круг, отвечающий кругу неба, надо согласовать с ходом солнца и с ходом звезд, надо отразить в своем творении то, что исполнено *ими* в творении большом. Отсюда непереносимая космологическая и календарная (дни солнцестояния, дни равноденствия) ориентация этих круглых строений, о которой пишут много, и притом часто фантазируя без меры. Стоунхендж признан обсерваторией, притом в маргинальной части науки эта обсерватория передает даже расположение планет, неизвестных ни грекам, ни XVII веку, ни даже нам. Это при том, что камни его и особенно верхние переемы были подняты с земли при реставрации и ориентация проемов между пилонами наверняка давно нарушена. Но все же в целом – нет сомнения, что это ловушки для солнца и календарные ожидания того, что солнце осветит это вот и вон то место. По отношению к сооружениям вблизи Евфрата такие наблюдения тоже делаются; частности можно преувеличить, но все же – это тоже планетарий. Круг рукотворный должен, как байонет объектива, защелкнуться воедино с кругом небесным, и тогда *они* не смогут не заметить этого соответствия, этого соединения. Мы придем с *ними* в согласие. Мы, собственно, даже заставим *их* согласиться. Хотя заставить *их* – требует особого труда.

Круг играет решительно важнейшую роль в магических ритуалах, это и обсидиановое зеркало Джона Ди, и его восковые диски, золотой маленький диск – магические средства призвать высших. Это мечты Пьеро делла Франческа и Бартоломео Бене, диаграммы Джордано Бруно, это принудительное счастье отвратительного «Города Солнца» Кампанеллы, круглые таблицы Кунрата и схемы Миттельспахера, это иллюстрации Фладда и тюрьма Бентама. Круг как обязательство, обязательное для обеих сторон соглашения, как неуклонность настоящего соответствия низшего и высшего, как неотвратимость вызова *их* – что знали об этом на Евфрате? Не думаю, что меньше, чем в любые другое времена

Сладчайший господин доктор, ученейший господин доктор, кто же это слышал, чтобы Колдуньи действительно умирали? Их всегда можно вернуть назад. – Позови ее, – раздался стальной голос, – мы готовы. Нарисуй круг. Приготовь голубое пламя. (Клайв Льюис. «Принц Каспиан».)

Они лампу потушили, только одну свечу оставили у кровати, на которую лег Мастик (Мусин-Пушкин). Гарфильд стал ворожить. Скоро тот побелел, точно труп, и лежит с открытым ртом. Это мне очень не понравилось. Гарфильд стоял в середине комнаты, и вдруг кругом него на полу появился круг синего пламени, дюймов шесть и вышину, точно блуждающий огонь на болоте, и Мастик заговорил каким-то странным голосом, не двигая губ. (Н.В. Волков-Муромцев. «Юность. От Вязьмы до Феодосии».)

Ну, положим, Льюис читал о магических практиках, но что знал о них врангелевский солдатик 19 лет от роду на Смоленщине в семье древней и православной, что же увидел он за неделю до эвакуации, и что он готов был увидеть на спиритическом сеансе? Круги земные и круги небесные притягивают друг друга – дабы позвать *их* так, чтобы они непременно пришли, и *они* покажут, что они пришли – заветная и страшноватая мечта Джордано Бруно, мечта Фичино и Пико делла Мирандола, Джона Ди, Эдварда Келли и иных, имя им легион. Круг, архетип безвременной древности, как магический инструмент. В Гебекли мы видим самое его начало, но именно с этим смыслом. Другое дело, что есть не только Гебекли-Тепе и круглые холмы. Есть Невали-Чори с его почти квадратным планом. Это исключение, но исключение весьма знаменательное. Он видимо построен позже, чем округлые здание первоначальной традиции; в более позднем слое Гебекли-Тепе есть, как кажется, следы переделки круглых зданий в квадратные, а в Карахан-Тепе и кажется и в других местах есть квадратные залы с двумя средними столбами. Квадрат – более самостоятельная форма модели мира, чем круг. Он агрессивнее, или, может быть, лучше сказать будет, что он «оборонительнее»: прямоугольник сопротивляется естественному покою астрального круга, он противопоставлен округлой полноте начального бытия, и везде появляется позже. Это несколько иная форма взыскательности к миропорядку – не только заметить его ход и пассивно отразить его в своем круговращательном подобии, но вырезать свой огород, свою скорее ограду, зная, что делаешь нечто вполне собственное и иное. Горизонт таким не бывает. Может, это совпадает с началом земледелия?

Много лет назад мои знакомые попросили меня немного привести в порядок только что купленный ими дом, стоявший в старинном селе с жутким названием Небылое. Наверное, ради названия я и согласился. Я думал, что ничего лучше в национальных топонимах я уже не найду, и только раз и через много лет в другой, более дворянско-помещичьей части русских названий, в мемуарах Петра Щукина, нашел имение графов Гендриковых «Напрасное», составившее Небылому изящную пару. Но дело не в названиях. Это был не очень старый кирпичный дом послевоенной неаккуратной постройки, крыша текла, чердак мокрый, двор завален отходами кролиководства, в пристройке вывалились рамы – но это все ушло на второй план: упал забор. И я дней пять вкапывал столбы и ладил к ним длинные слуги рухнувших прясел, чтобы создать ограду – первым делом, раньше крыши. Не от кого в этом запустелом месте было отгораживаться и незачем, но иначе было нельзя. Животное древнее чувство заставило меня работать без перерыва. Топор был ничего, в хламе нашелся брусок, и я его хоть как-то вострил, а пила дрянь, оттого столбы не подровнять, и они высоченные. И на верхушки столбов, как головы врагов, пошли круглые по больше части битые чугунные горшки со двора – чтобы столбы не мокли. Я помню над забором безумную яркую луну, совершенно круглую и кричаще-белую, в ночь какого-то пятого дня, и забор, уже выставленный по квадрату – все. Огромное везде – за, но ограда есть, и можно успокоиться. Сломал себе ребро при перетаскивании бревен, но все ж отстроив границу между мной и Небылым. Я тут есть, короче если: *Hier stehe Ich und kann nicht anders.*

История соотношения круга и квадрата в первоначальных человеческих ориентациях слишком длинна и слишком очевидна, чтобы тут ее излагать. Можно припомнить всевозможные схемы, ориентированные на мандалу (слово само означает «круг» и «сообщество» на санскрите) – тибетскую икону, или древнейшие артефакты Индостана, или планировку индийских храмов – о чем-то мы еще поговорим. Но квадрат или квадраты в круге – это не только мандала, это магические печати Джона Ди, это диаграммы Бруно для вызова духов – и тут ясно, что квадрат более собственно человеческая форма, в отличие от космического круга, и их надо как-то сопоставить и даже соединить, чтобы сработало это короткое замыкание архетипов – различить и передать формы верхнего мира и отстоять, оградить в них (и даже от них!) себя. Конечно, тут остается неназванной и еще долгое время неприменимой к архитектуре последняя форма космического совершенства, предполагаемая кругом, – это сфера. Невидимо, но ощутимо она загадана в Пантеоне в Риме, в который идеально вписывается шар; видимо и идеологически явно – много позже, надо ждать Булле и Леду. Но ведь круг космоса – ну вспомнить если луккскую рукопись *Liber divinatorum operum* Хильдегарды Бингенской – это всегда плоская проекция сферы, так что она загадана в любой круглой диаграмме, будь псалтирь Робера де Лилль, *Rotshild Canticles* или парижский Бревиарий Любви. В конце концов даже семь сефирот и таблицы Раймонда Луллия.

И вот когда я поставил забор, первый раз пошел снег. Это было начало октября, но еще до Покрова, он повалил густыми хлопьями, ровно и мощно, чуть под наклоном, и я зажег фонарь – это была керосиновая «летучая мышь», где огонь за стеклом, надел на себя рваный какими-то бешеными псами бросовый овчинный тулуп и пошел неизвестно куда. Далеко в поле я опомнился, снег становился все гуще и темная земля стала ощутимо белеть, а вокруг моего фонаря было то, чего я не видел никогда ни до того, ни после – сверкающая сфера белых хлопьев, такой подвижный шар, по крутой диагонали перечеркнутый влетающими и вылетающими из него хлопьями снега – явная сфера, в которой был и я, пузырек света в наклонном потоке космоса, капля в потоке дао, или что там еще. И я в ней. Это был мой собственный космос – микрокосм и макрокосм. Хильдегарды я тогда еще не читал, да и едва только что-то знал о ней, а вот со сверкающими шарами был хорошо знаком. В другой части детства мы зимой по неделе жили на зимних каникулах недалеко от станции Крюково, где был какой-то завод неизвестного, но, по слухам, вполне военного назначения, и на дорогах близ него можно было иногда найти сверкающие шарики светло-зеленого стекла, около дюйма или чуть меньше в диаметре, какие-то очевидно выработанные подшипники – на них обычно была короткая и глубокая дуга грубой царапины. Я собрал их штук двадцать, и один, как высшее существо в этом ряду, был голубой и без царапины. Они чем-то были лучше и значительнее любой игрушки, но их было недостаточно – и вот мы с братом развинчивали разбросанные вблизи машинно-тракторной станции сельскохозяйственные агрегаты, какие-то скелетоны сеялок или жаток, вынимая оттуда без остатка все подшипники. Те, что были менее совершенны, имели форму усеченного конуса, красивые, но не очень-то и нужные, а нужны были металлические нержавеющие полированные до зеркальности шары – магия их, которая используется по сей день в гипнозе, и магический – совершенно такой же, или каменный? – шарик, принадлежавший Джону Ди, на фотографии лежит рядом с его магическими печатями... при желании в нем можно узнать латунный шарик на спинке кровати, в котором глубоко и мерно мерцал огонь лампы.

И точку соберет кроватный
Высокий шарик из тепла
Оставшегося, и обратно
Ты не вернешься никогда...

Только у Джона Ди едва ли это был огонь лампы, мне же по случайности, если случайности кончено бывают на свете, несказанно повезло с магией. Пределом нашего с братом мародерства была кража тяжелых стальных шаров из втулки только что снятого громадного тракторного колеса, прямо из густоты темного тавота – как ругался бедный шофер трактора, оставшись без них за те пять минут, что он был в лесничестве... при Сталине это могло бы обернуться для нас, для родителей тоже, большой бедой – вредительство вещь подстатейная. Я выкинул их все в 16 лет. Но тогда им на смену пришла

сфера мира, увенчанная крестом, в искусстве XV века, хрустальная, да? Здесь и глумящийся над ней старший Брейгель в «Нидерландских пословицах», и серьезный велеречивый эрмитажный Тициан, и «Аллегория Альфонса д'Авалоса», и зареставрированный фальшивый Леонардо из Абу-Даби, все сразу, и даже потом –

И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И Боже правый, ты была моя.

Все яблоки, все золотые шары.

Вернемся к первой архитектуре все же. Мы никогда не узнаем ни что здесь происходило – а происходило же! Скамьи, какие-то углубления вроде чаши в полу, фрагменты многочисленных скульптур, разбитых еще тогда, когда эти святилища были живы, вероятно, впрочем, не изначальных, где есть много зооморфных тем, есть фаллические, есть какие-то птицы, которые неосторожно ассоциируют с погребальными культами и жадными до мертвечины грифами зороастрийских «башен молчания». Жертвы? Кому и чем жертвовать? Ритуалы? Смена планов движения, смена персонажей? Шаманов, жрецов, аколитов, гадателей, колдунов? Звук? Запах? Ритм? Цвет? Голос? Что бы это ни было – это устойчивая и надежная, воплощенная на пару тысяч лет культа, запечатленная в камне сопоставительная договоренность человеческого с животным, мужского и женского, жизни и смерти, времени и вневременности, твердого и жидкого, внутреннего и внешнего, съедобного и несъедобного, я не знаю чего еще – но главное человеческого и нечеловеческого, природного и рукотворного, сферы мира и круга звезд, круга жизни и оборота одного года, опасности и ограды. Еще даже нет настоящего земледелия, нет бытовой керамики – а договоренность есть! Это надежно и неукоснительно, как прямота столба. Все это останется навсегда задачами архитектуры, начинаясь именно здесь, и главный герой тут – это странный Т-образный прямо строящий столб, имеющий не столько форму, сколько значение человека. Человеческого присутствия. Стоя. Бодрствования, выстаивания, настоятельности, предстояния, отстояния, устойчивости, стойкости. Стоящая вертикаль, на которой еще нет никакого познания реальных пропорций тела, нет еще и тени будущей греческой самоценной антропологии ордера – но есть главное – ритмичное присутствие человека, особо выделенное параллельными центральными столбами. Что это – ордер?

Ordo восходит к порядку нитей в ткацком станке, это первопорядок – и тогда да, ордер. Ordino значит ставить в ряды, упорядочивать, ordior – накидывать новый ряд при ткачестве, а само ткачество, латинские слова «текстура», «текст», английское «textile» – все от texere, «ткать». Оно восходит к санскритскому taksh – обрабатывать дерево, готовить, придавать форму. Мы погружаемся на такую глубину, где из ряда нитей в ткацком станке и из его деревянной рамы еще только родится слово

(и понятие) «текст» и слово «ордер», а равно плотницкое искусство для создания этого станка в греческом – тектонике – далее перейдет уже в само названия – архитектура! И сделано это при помощи *ordo*, порядка, где единицей этого *ordo* оказывается человек в виде протоархитектурного конструктивного ордера. Интересна, были ли у этих столбов деревянные прототипы, как почти у всякого ордера? Нет ответа. Могли быть, судя по традиционным грузинским недавним домам. Антропология ордера? Да. Человек только намечен чистой схемой, не более, он не понят и не познан, не измерен и не воплощен в своей реальной мере, но сомневаться в этой метафоре невозможно – он значим и значителен, ибо обозначен. На его Т-образном «теле» проецируются другие значения – пауки, змеи, лисы, кабаны, рептилии, кто там еще, и какие-то круглые, то есть солярные и лунные – полумесяцем, знаки космоса, и еще некоторые знаки протописьменного характера, смысл которых конечно навсегда утерян. Человеческое и животное в изображении никогда не смешиваются, звери автономны, но возникают в виде рельефов именно на нем – не на стене же – его знак господствует над прочими, собирает их на себя, потому что именно этим угрюмым, похожим на какого-то марабу, каменным тяжким молотам доверено предельное значение. Человек важнее, прочие подчинены. Начинается история телесности в архитектуре, начинается вверение человеческого живого смысла и непонятная нам иерархия явственного присутствия. Были ли их боги – душами предков, а столбы телами этих предков? Были ли эти боги – человекоподобны? Скорее да. Но мы не поймем, боги ушли, остались только каменные столбы. Они здесь стоят. Они живы. Потому что (вспомним менгиры и прочее подобное им) стоящее живо, а лежащее мертво. И в деревьях, и в нас самих.

Смерть начиналась в деревне так, как, наверное, она могла начинаться и на Евфрате – со звука; ведь были же там и процессии, и танец, и музыка (китайские костяные флейты, древнейшие в мире, немногим моложе). Для меня этим звуком, отвратительным звуком негасимого ничем ужаса, был похоронный марш Шопена, которые выдувался местным похоронным оркестром, часто уже крепко помянувшим покойного до того, как нести его в открытом гробу через мостки на другую сторону заливчика мимо нашего дома по дороге на лесное заросшее кладбище, той дороге в мелкой и легчайшей прохладной пыли, которая так хороша была мне, босому, в жаркие летние дни. И вот раздрающий нестройный рев усилиями местных духовых терзает пространство и леденит душу, а с пространством живых (в те времена) у меня, в отличие от жителей Гебекли-Тепе, нет никакой договоренности. Мама считала, что ни церковь, ни Евангелие нам пока не нужны: подрастут – пусть сами выберут себе веру. Эти, на Евфрате, уже нашли то, что мне предстояло только найти – договоренность значений, равно и равновесие векторов бытия. Космос накрывал меня своим куполом, но как договориться с ним под визгливый звук этих тускло поблескивающих на полуденном солнце, как сельди пряного посола в железной, похожей на противотанковую мину, банке продмага?..

Каким-то утром я вышел за водой к колодцу. У колодца была калитка к сгорбленному небольшому угрюмому и богатому мужику Тюрину, отсидевшему много лет за разбой и за мокрое дело, который держал со своими рослыми сыновьями все прибыльные возможности в деревне – поднимать ли баграми со дна канала топляк молевого сплава, оставшийся после расчистки леса под Канал имени Москвы, или сдавать штук восемь крошечных домиков дачникам на своем солнечном участке, полого идущем к воде, где он держал лодки напрокат. У калитки на куче песка лежал неизвестный чужой человек с задранной рубашкой (а была ли она?), сероватым телом и какой-то замороженной случайной одеждой: грязные светлые брюки и тусклый сальный пиджак не по сезону как с чужого плеча. Невысокий, лет сорока с лишком, и левая рука его, как маятник, равномерно ходила по телу, судорожно сгибаясь в локте, задирая все выше майку. Глаза закрыты, голова отвернута в сторону, небритой щекой на крупном сыром песке. В остальном он не двигался. Только рука отбивала нелепый равномерный ритм. Двое-трое зевак уже собралось, наверное, тоже дачников. Я вернулся, набрав воды, и рассказал об том отцу. Он помрачнел, и мы вместе вышли к колодцу. Он постоял там среди людей, как всегда заметно выше всех прочих, сцепив руки перед собой, почти как те, на столбах у Евфрата, только руки были прямыми. Что-то было в нем упрямо-скорбное, и я вспомнил, как он показывал и рассказывал про «Граждан города Кале» Родена в музее. Он был похож на того, что с ключом. Людей, молчащих очень значительно, все прибавлялось, весь наш край деревни, в просторечии Потылиха, там уже собрался, и когда мы пошли домой, отец сухо сказал мне – этот человек только что вышел из заключения, на тускло-голубой майке был казенный штамп, он избит велосипедной цепью, завернутой в тряпку, и умрет часа через два-три. Это неизбежно. Отец отсидел семь лет и в этом хорошо разбирался. Человек скоро умер, врача не вызывали и фельдшера сельского там не было. С советской властью в лице (я различил правда не лицо власти но ее спину, тактично не в форме а в гражданском) участкового милиционера Геннадия, браконьера и человека что называется во всем делового и оборотистого, Тюрин договорился, и потом обошел внимательно сам, не доверив это сыновьям, неизменно опираясь на клюку, дачников, объясняя доходчиво – это был очень дурной человек, это наши дела, деревенские, вам городским и не понять, а вы особенно не рассказывайте, а то вот у вас малые дети играют же на улице – неровен час случится чего. Отец вышел к калитке и сказал ему не знаю, что, – коротко и сухо. Тот ощерился и отпрянул, из окна показалось прямо зашипел, ну или что-то вроде того, он был хромой. И я помню прямую, как струна, высокую фигуру отца, в неизменных его очках, неподалеку с нехорошим темным лицом согнутый Тюрин и чуть потом – этого лежащего наискось на песке мертвого, его зарыли в рогоже за кладбищем. Вертикаль – это живое, короче говоря. Жизнь – это жизнь, а смерть – это смерть, вот она. И все это люди.

Так начиналась архитектура.